

В. В. Огарков

Е. Р. Дашкова

**Её жизнь и общественная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. В. Огарков**
Е. Р. Дашкова: Её жизнь и общественная деятельность / В. В. Огарков – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 78 с.

ISBN 978-5-517-96151-8

ISBN 978-5-517-96151-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Ранніе годы.

Особенное мѣсто, занимаемое Дашковой среди сподвижниковъ Екатерины II. — Рожденіе ея. — Раннее дѣтство. — Смерть матери. — Канцлеръ Воронцовъ беретъ ее къ себѣ. — «Блестящее» образованіе. — Самодѣятельность. — Невзрачная наружность Дашковой. — Гордость и самолюбіе ея. — Удаленіе изъ Петербурга. — Чтеніе. — Переписка съ братомъ. — Атмосфера политики. — Интересъ къ общественнымъ вопросамъ. — Желаніе путешествовать. — Встрѣча съ Дашковыми. — Сближеніе. — Разказы объ этомъ въ обществѣ. — Помощь императрицы. — Встрѣча съ великой княгиней. — Восторгъ, возбужденный ею въ Дашковой. — Вѣрѣ. — Свадьба. — Жизнь у родни мужа. — Случай изъ этого времени. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Среди интересныхъ персонажей прошлаго вѣка, между блестящими сподвижниками Екатерины II, способствовавшими ея воцаренію и прославившими ея правленіе громкими подвигами, совершенно особенное мѣсто принадлежитъ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой. Въ лицѣ знаменитой княгини женщина выступаетъ въ активной роли на политической аренѣ и втеченіи долгаго времени является руководительницей науки на родинѣ. И то, и другое не могутъ не представляться исключительнымъ явленіемъ по отношенію къ тогдашнему полуневѣжественному обществу, гдѣ не только женщины, но и мужчины были обдѣлены образованіемъ и гдѣ общественная дѣятельность предоставлялась лишь незначительному кружку лицъ. Вниманіе наблюдателя невольно останавливается на этой молодой, обладавшей огромнымъ по тому времени образованіемъ, женщинѣ, маленькой и довольно невзрачной по виду, но способной своими умственными качествами и изумительной энергіей заткнуть за поясъ многихъ окружающихъ ее блестящихъ, раззолоченныхъ и видныхъ царедворцевъ.

Судьба княгини Дашковой замѣчательна во многихъ отно-

шеніяхъ: на ея долю выпали блестящіе успѣхи въ молодости и горькія испытанія въ старости. Она играла видную роль въ первоначальной исторіи Екатерины II и испытала опалу и изгнаніе при ея преемникѣ. Исповѣдуя самыя передовыя идеи о воспитаніи, она должна была горько разочароваться отъ результатовъ примѣненія своихъ принциповъ къ собственнымъ же дѣтямъ, — и это дало ей не мало тяжелыхъ минутъ. Но она переносила несчастія со стойкостью, которая была преобладающей чертой ея характера, хотя глубокая потребность любви и привязанности жила и въ ея суровомъ сердцѣ. Трогательная дружба княгини къ миссъ Вильмотъ въ послѣдніе годы жизни говоритъ объ этой жадѣ симпатіи, которой не могутъ замѣнить никакіе — даже самыя блестящіе — внѣшніе успѣхи.

Княгиня Дашкова по рожденію принадлежала къ самому высшему кругу общества. Она была дочерью графа Романа Илларионовича и племянницей великаго канцлера Михаила Илларионовича Воронцовыхъ. Ея братья: Александръ Романовичъ (бывшій канцлеромъ при Александрѣ I) и Семень Романовичъ, нашъ посланникъ въ Англіи, — прославились, какъ талантливые и стойкіе государственные дѣятели. Съ ребяческихъ лѣтъ ее окружали блескъ, роскошь и угодничество. И недюжинность натуры княгини Дашковой сказывается можетъ быть уже въ томъ обстоятельстве, что она не удовлетворилась только внѣшнимъ блескомъ своего положенія и сопряженными съ нимъ шумными, но пустыми успѣхами въ «свѣтѣ», чѣмъ вполне удовлетворялось большинство женщинъ ея круга, но нашла въ своей душѣ силу лелѣять болѣе горделивыя и серьезные планы.

О дѣтствѣ Дашковой имѣются очень скудныя свѣдѣнія: о немъ мы знаемъ почти только то, что заключается въ ея извѣстныхъ запискахъ и въ интересной автобіографіи А. Р. Воронцова, помѣщенныхъ въ «Воронцовскомъ Архивѣ».

Дашкова родилась 17-го марта 1743 г. Крестнымъ отцомъ ея былъ наслѣдникъ престола (впослѣдствіи Петръ III), а восприемницей — императрица Елисавета. Какъ извѣстно, положеніе фамиліи Воронцовыхъ при этой государынѣ было блестящимъ, чему способствовала какъ дружба съ императрицей матери Дашковой, урожденной богачки Сурминой, снабжавшей когда-то деньгами нуждавшуюся въ нихъ опальную цесаревну, — такъ и участіе дяди Екатерины Романовны, Михаила Илларионовича Воронцова, въ возведеніи на тронъ дочери Петра I. Уже одна только принадлежность къ такому блистательному и вліятельному кругу

предназначала Екатерину Романову въ будущемъ крупную роль на родинѣ, насколько вообще подобная роль была доступна женщинамъ, по обычаямъ и развитію общества того времени. Но Дашкова не удовлетворилась рутинной и пробила новые пути для своей дѣятельности.

Послѣ смерти матери Дашкова осталась двухлѣтнимъ ребенкомъ. Можетъ быть не особенно ошибется тотъ, кто станетъ объяснять известную жесткость характера Екатерины Романовны отсутствіемъ въ раннемъ дѣтствѣ сердечныхъ ласкъ матери, такъ смягчающихъ душу ребенка. И какъ ни велика была доброта ея тетки, жены великаго канцлера Воронцова, — но она не могла замѣнить маленькой сиротѣ живой и дѣятельной материнской любви.

У Михаила Илларионовича Воронцова была единственная дочь однихъ лѣтъ съ Екатериной Романовной, и дядя взялъ племянницу къ себѣ для совмѣстнаго ея воспитанія съ его собственнымъ дѣтищемъ. Вѣроятно къ этому поступку, кромѣ вышеуказаннаго обстоятельства, побудили добраго дядю и другія причины. Отецъ Дашковой, еще не старый человѣкъ, съ большою охотой предавался свѣтскимъ удовольствіямъ. Съ нимъ жилъ только одинъ сынъ — Александръ, Семень находился въ имѣніи у дѣда, а дочери Марія и Елисавета были еще дѣтьми взяты во дворецъ, и одна — 10 лѣтъ, а другая — одиннадцать сдѣлались уже фрейлинами. Отецъ мало обращалъ вниманія на воспитаніе дѣтей, а у маленькой сироты не было подруги: съ сестрами, находившимися у государыни, она рѣдко видѣлась и встрѣчалась часто только съ братомъ Александромъ.

Какъ-бы то ни было, Дашкова 4-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ была взята дядей къ его дочери (впослѣдствіи графиня Строгонова), и это событіе несомнѣнно имѣло большое вліяніе на будущность ребенка и благотворно отразилось на его образованіи, хотя, надо сказать, самъ великій канцлеръ впослѣдствіи вѣроятно не разъ задумывался надъ тѣмъ, что ему пришлось оторвать у себя «маленькую змѣю»...

Кузины жили въ однѣхъ комнатахъ, имѣли однихъ и тѣхъ же учителей, одинаково одѣвались и вообще воспитывались при совершенно сходной обстановкѣ. Однако это не сдѣлало дѣвочекъ похожими: какъ по характеру, такъ по стремленіямъ и умственнымъ наклонностямъ онѣ были совершенно различны.

Канцлеръ обширной Русской Имперіи, интересовавшійся литературой и науками, известный другъ и покровитель Ломоно-

сова, Михаилъ Илларионовичъ не могъ не обратить вниманія на образованіе своей дочери и взятой къ ней племянницы. И онъ дѣйствительно не щадилъ издержекъ на этотъ предметъ. Дашкова знала прекрасно 4 языка, рисовала, была очень сѣдуща и въ музыкѣ: извѣстно напримѣръ, что, во время путешествія по Англіи, она писала музыкальныя пьесы, имѣвшія большой успѣхъ при исполненіи; въ числѣ лицъ, благодарившихъ ее за эти музыкальныя труды, встрѣчается и имя знаменитаго Гаррика.

Вообще, по понятіямъ того времени, Екатеринѣ Романовѣ было дано блестящее воспитаніе. Но, разумѣется, если бы только этимъ ограничилось образованіе будущаго президента Россійской Академіи, то названіе ее «образованнѣйшей» женщиной своего времени могло бы для многихъ звучать ироніей. Дѣйствительно, княгиня, помимо «свѣтской» науки, усваиваемой тогда и другими женщинами высшаго круга, многое знала и развила блестяще свой умъ; но этимъ она была обязана не какой-нибудь школѣ (такой въ то время въ Россіи не было), а кипучей самодѣятельности и той жаждѣ умственной пищи, которая развивалась въ ней подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ и возбужденію которой конечно не мало способствовала жизнь у благоволившаго къ просвѣщенію мягкаго и добраго дяди.

Въ раннихъ воспоминаніяхъ княгини Дашковой мелькаетъ, окруженный лучезарнымъ сіяніемъ, образъ благоволившей къ Воронцовымъ императрицы Елисаветы. Государыня часто пріѣзжала къ канцлеру за-просто и оставалась у него обѣдать или ужинать. Она ласкала свою маленькую крестницу, брала ее къ себѣ на колѣни и кормила, а затѣмъ, когда та подросла, обыкновенно сажала ее рядомъ съ собой. Дѣвочка бывала и во дворцѣ на вечерахъ, устраиваемыхъ для дѣтей высшихъ сановниковъ, причѣмъ сама Елисавета отъ души веселилась и принимала участіе въ забавахъ и играхъ молодежи. Доброта этой государыни и ея ласковость въ обращеніи были полнымъ контрастомъ суроваго обхожденія Анны Іоанновны, не церемонившейся даже съ крупными по рангу лицами.

Казалось-бы, что при наличности тѣхъ условій, которыя окружали въ дѣтствѣ Дашкову въ великолѣпномъ домѣ дяди, при ласковомъ отношеніи къ ней родни и императрицы,—изъ нея должна была выработаться натура жизнерадостная, довольная окружающимъ, не предъявляющая къ нему особыхъ запросовъ и, въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, не задумывающаяся глубоко надъ вопросами высшаго порядка. Многія сверстницы

будущей княгини такъ и оставались всю жизнь «беззаботными мотыльками», порхавшими среди блеска и роскоши, и исключенія изъ нихъ не составила даже, воспитывавшаяся одинаково съ нею, кузина, дочь канцлера. Но самая младшая Воронцова пошла по другой дорогѣ. Разумѣется, были обстоятельства, которыя обусловили такой исходъ.

Съ дѣтства въ натурѣ Дашковой, какъ она сама говоритъ въ запискахъ, было «много гордости, смѣшанной непонятнымъ образомъ съ необыкновенной нѣжностью и чувствительностью, которыя внушали пламенное желаніе быть любимою всѣми окружающими людьми». Но эта гордость и нѣжная чувствительность все-таки должны были, какъ слѣдуетъ думать, получать порой уколы въ домѣ дяди, гдѣ Екатерина Романовна являлась только племянницей, но не дочерью. Была и еще причина, которая, при чуткости Дашковой и ея раннемъ умственномъ развитіи, могла вызывать большія огорченія: Екатерина Романовна не могла похвалиться своей фигурой и наружностью. Вотъ какъ описываетъ ее Дидро: «Княгиня Дашкова вовсе не хороша; она мала ростомъ; лобъ у нея большой и высокій; щеки толстыя и вздутыя; глаза — ни большіе, ни малые, нѣсколько углубленные въ орбитахъ; носъ приплюснутый; ротъ большой; губы толстыя; зубы испорчены. Талии вовсе нѣтъ; въ ней нѣтъ никакой граціи, никакого благородства, но много привѣтливости...» Портретъ, какъ видимъ, далеко не напоминающій Венеры Милосской!

Придворная молодежь конечно не всегда могла цѣнить умственныя достоинства подроставшей дѣвочки, а красотой она не привлекала взоровъ; успѣхи Дашковой въ свѣтѣ были сомнительны и меркли передъ успѣхами ея сверстницъ-красавицъ. А это для пылкой и гордой дѣвушки, почувствовавшей рано свое умственное превосходство надъ толпой, могло быть очень оскорбительнымъ и невольно направляло ея эвергію въ иную сферу, чтобъ добиться успѣховъ и заставить окружающихъ признать ея силы.

Такъ подростала маленькая, невзрачная дѣвочка въ домѣ могущественнаго дяди. Кругомъ нея кипѣла жизнь, полная блеска и громкихъ успѣховъ, но въ этой жизни на ея долю выпадало не особенно много шансовъ, — и она успѣла создать себѣ еще въ дѣтствѣ свой особенный, умственный міръ грезъ и мечтаній: она съ жаромъ набрасывается на книги и перечитываетъ бібліотеки дяди и его знакомыхъ.

Въ то время, когда будущей княгинѣ Дашковой наступило

12—13 лѣтъ, случилось одно маловажное обстоятельство, которое однако, по ея словамъ, имѣло значительныя послѣдствія: Екатерина Романовна заболѣла корью; а такъ какъ, въ видахъ предохраненія великаго князя Павла отъ заразы, запрещены были всякія сношенія двора съ семействами, гдѣ появились различныя болѣзни, то Дашкову удалили въ деревню, за 17 верстъ отъ Петербурга.

Очутившись въ одиночествѣ, на попеченіи несимпатичныхъ ей людей, и часто испытывая приливъ безотрадныхъ чувствъ, дѣвушка стала серьезнѣе и задумчивѣе. Ея состояніе было еще печальнѣе отъ того, что за первыя недѣли этого изгнанія она, по болѣзни, не могла отдаться любимымъ книгамъ. Но зато на свободѣ дѣвочка имѣла время о многомъ подумать и, едва получивъ возможность читать, она уже не расстаётся съ книгами: послѣднія являются для нея вѣрными друзьями и утѣшителями. «Я начинала сознавать, — говорить княгиня въ запискахъ, — что проведенное въ одиночествѣ время не всегда бываетъ самымъ тягостнымъ; что та самая чувствительность, которая до сихъ поръ заставляла меня искать одобренія другихъ, теперь побудила меня сосредоточиться въ себѣ самой и развить тѣ умственные средства, которыя только и могутъ поставить человѣка выше обстоятельствъ».

Что-же читала княгиня и что ее интересовало въ литературѣ? Къ чести ея, это не были произведенія французской, порой довольно разнузданной, литературы, — то до приторности сентиментальныя, то пошло-скабрёзныя, — жидкія книжонки, которыми пробавлялись тогдашніе читатели изъ высшаго общества и которыя сладострастно смаковали старички: княгиня любила болѣе солидную умственную пищу. Въ этомъ отношеніи она была контрастомъ между прочимъ и своей сестры Елисаветы, списокъ книгъ которой, взятыхъ изъ академической бібліотеки, весь состоялъ изъ подбора скабрёзностей. Любимыми писателями Екатерины Романовны, наоборотъ, были: Вэйль, Монтескьё, Гельвецій, Вольтеръ, Буало... Она ихъ серьезно читала и понимала. Содержавшіяся въ этихъ книгахъ философскія созерцанія, ѣдкая насмѣшка надъ современными общественными формами, жажда высшихъ идеаловъ — все это манило живой умъ читательницы и эмансипировало ее отъ многихъ рутинныхъ взглядовъ и привычекъ. Чтеніе названныхъ писателей невольно направляло ея умъ въ сферу общественныхъ и политическихъ вопросовъ; оно заронило въ нее, сначала можетъ быть въ нео-

предѣленной формѣ, сѣмена тѣхъ желаній, которыя потомъ такъ ясно выразились въ дѣятельности молодой женщины. Съ другой стороны, эта-же начитанность и страстная вдумчивость въ явленія жизни обратили вскорѣ на Дашкову вниманіе великой княгини—будущей императрицы Екатерины II, отличавшейся чуткимъ знаніемъ людей, и подготовили ихъ первоначальную дружбу, имѣвшую такіа исторически-важныя послѣдствія.

Не мало было и другихъ причинъ, поддерживавшихъ въ молодой дѣвушкѣ страсть къ литературѣ и къ области общественныхъ вопросовъ. Она часто видѣлась съ братомъ Александромъ Романовичемъ, образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, интересовавшимся наукой и литературой. Съ этимъ братомъ Дашкова сохранила хорошія отношенія до конца жизни; между тѣмъ нельзя сказать того-же про ея отношенія къ остальнымъ членамъ семьи Воронцовыхъ, такъ какъ Екатерина Романовна, ставшая страстной партизанкой будущей императрицы, являлась антагонисткой своихъ родственниковъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи прежняго режима. Но съ старшимъ своимъ братомъ, дружбу котораго, при враждѣ другихъ, слѣдовало тѣмъ болѣе цѣнить, она часто встрѣчалась и бесѣдовала. А когда онъ уѣхалъ въ Парижъ, сестра завела съ нимъ правильную переписку, сообщая о всѣхъ важныхъ случаяхъ въ политикѣ, при дворѣ и у знакомыхъ. Это съ одной стороны поддерживало въ ней интересъ къ событіямъ и лучше ихъ закрѣпляло въ памяти, а съ другой—вырабатывало способность критическаго отношенія къ нимъ. Большая переписка съ братомъ помогала конечно и выработкѣ «стиля» Дашковой, — той способности ясно и сжато выражать свои мысли и иѣтко характеризовать нѣсколькими сильными штрихами предметъ изложенія, которой отличаются ея извѣстныя записки.

Атмосфера дома канцлера, гдѣ жила Дашкова, была, если можно такъ выразиться, пропитана политикой, что въ свою очередь поддерживало въ дѣвушкѣ интересъ къ этой области общественныхъ явленій. По разсказу самой княгини, она мучила своимъ ненасытнымъ любопытствомъ всѣхъ посланниковъ, художниковъ и литераторовъ, бывавшихъ въ домѣ дяди. Она спрашивала ихъ о чужихъ странахъ, формахъ правленія и законахъ, и тогда уже зародилось въ пей пламенное желаніе путешествовать.

Иванъ Шуваловъ, слышій меценатомъ, снабжалъ Дашкову всѣми литературными новинками. Къ своему замужеству она

сзумѣла на карманныя деньги составить себѣ библиотечку въ 900 томовъ, въ числѣ которыхъ была и знаменитая «Энциклопедія». Княгиня радовалась болѣе, нежели чему-нибудь другому, — пріобрѣтенію новой и интересной книги.

Такъ Екатерины Воронцовой пошелъ 16-й годъ. Ея старшая сестра и кузина еще въ 1757 году вышли замужъ, а вскорѣ и она сама стала невѣстой. По разсказу княгини, встрѣча ея съ Дашковымъ произошла у знакомой Самариной и была обставлена довольно романтическими подробностями. Княгиня впрочемъ не сообщаетъ многого о сближеніи съ своимъ будущимъ мужемъ и ссылается на Провидѣніе, устроившее ко взаимному благу эту встрѣчу.

Лѣтомъ 1758 г. дядя и тетка Дашковой находились въ Царскомъ Селѣ у императрицы, а дѣвушка одна оставалась въ Петербургѣ, — отчасти по нездоровью, а больше по любви къ уединенію и чтенію. Она почти не выѣзжала въ «свѣтъ» и бывала только въ двухъ близко знакомыхъ семействахъ: княгини Голицыной и Самариной. Разъ она засидѣлась у послѣдней до поздняго часа; хотя за нею и пріѣхала карета, но такъ какъ былъ чудный лѣтній вечеръ, то сестра хозяйки предложила гостѣ проводить ее пѣшкомъ до угла улицы. Едва дамы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ ними появилась высокая фигура какого-то гвардейскаго офицера, при лунномъ свѣтѣ представившаяся воображенію дѣвушки чѣмъ-то колоссальнымъ. Она вздрогнула и спросила спутницу: кто это? офицеръ? И тутъ впервые она услышала фамилію князя Дашкова. Онъ оказался знакомымъ Самариныхъ. Завязался общій разговоръ, во время котораго молодой человекъ расположилъ къ себѣ дѣвушку; съ своей стороны и она ему понравилась.

Такъ разсказываетъ Дашкова о первомъ знакомствѣ съ своимъ будущимъ мужемъ, послужившемъ началомъ ихъ сближенія. Но въ тогдѣшнемъ обществѣ ходила и другая версія исторіи этого брака. Если она и несомнѣнъ правдива, то во всякомъ случаѣ интересна въ томъ отношеніи, что характеризуетъ взглядъ на энергію Дашковой и способность «постоять за себя», сложившійся о княгинѣ въ ея кругу. По разсказу Рюльера, князь Дашковъ, красивый придворный кавалеръ, однажды сталъ слишкомъ свободно говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой; она позвала дядю и сказала ему:

— Дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь просить моей руки!

Князь не смѣлъ признаться первому сановнику Имперіи, что слова его не заключали въ себѣ именно такого смысла, — и женился на племянницѣ канцлера.

Какъ-бы то ни было, но этотъ бракъ состоялся въ февралѣ 1759 г. Князь Дашковъ, красивый и «добрый» малый, не представлялъ своей особой ничего чрезвычайнаго, и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ жена подавляла его своимъ авторитетомъ. Въ устройствѣ этой свадьбы принимала близкое участіе и сама императрица Елисавета, вообще очень любившая подобныя зрѣлища. Въ одинъ изъ вечеровъ государыня заѣхала къ канцлеру изъ оперы ужинать. Отозвавъ влюбленныхъ въ другую комнату, она сообщила имъ, что знаетъ ихъ тайну и будетъ способствовать ихъ счастью. Замятивъ волненіе крестницы, императрица ласково потрепала ее по плечу и, поцѣловавъ въ щеку, сказала:

— Успокойся, мое милое дитя, — иначе всѣ друзья твои подумаютъ, что я побранила тебя!

«Я никогда, — говоритъ Дашкова, — не забуду этой сцены, которая навсегда привязала меня къ этой милостивой и доброй государынѣ».

Въ ту-же зиму, до свадьбы, произошла встрѣча Дашковой съ будущей императрицей Екатериной II, положившая начало ихъ дружбѣ, — правда, впоследствии далеко не прочной и изобиловавшей многочисленными недоразумѣніями.

Въ домѣ канцлера провели цѣлый вечеръ и ужинали великій князь (впоследствии императоръ Петръ III) съ супругой. Будущая императрица уже слышала о младшей Воронцовой, какъ о женщинѣ, почти все свое время посвящавшей чтенію и вообще достойной всякихъ похвалъ. «Я могу утвердительно сказать, — читаемъ мы въ запискахъ Дашковой, — что въ то время, о которомъ я говорю, за исключеніемъ великой княгини и меня, во всей имперіи не было двухъ женщинъ, которыя хоть сколько-нибудь занимались-бы серьезнымъ чтеніемъ». Это обстоятельство конечно послужило причиной взаимнаго сближенія. А такъ какъ Екатерина II положительно могла очаровать своимъ умомъ и прелестью манеръ того, кому желала нравиться, — то можно себѣ вообразить, какое впечатлѣніе произвела она на 15-ти-лѣтнюю энтузіастку, какою была тогда Екатерина Воронцова. Помимо серьезности и ума молодой дѣвушки, Екатерину II долженъ былъ невольно подкупить тотъ сердечный восторгъ и горячій энтузіазмъ, съ которыми къ ней относилась ея молоденькая поклонница,

знавшая конечно исторію высокой гостыи, наполненную уже многими огорченіями и обидами.

Въ этотъ вечеръ великая княгиня почти исключительно говорила съ Дашковой и очаровала ее. «Возвышенность чувствъ и образованность,—читаемъ мы въ запискахъ княгини про Екатерину II,—повидимому показывали въ ней существо, поставленное природой выше всѣхъ другихъ и превосходившее всѣ прежнія понятія мои о совершенствѣ».

Прибавимъ интересную подробность объ этомъ роковомъ вечерѣ, произведшемъ неотразимое впечатлѣніе на Дашкову. Знаменитая гостыя, уѣзжая домой, уронила свой вѣеръ, а Дашкова подняла его. Великая княгиня поцѣловала дѣвушку и попросила оставить вѣеръ на память объ ихъ первой встрѣчѣ, выразивъ надежду, что это свиданіе послужитъ началомъ ихъ дружбы, — что и случилось на самомъ дѣлѣ. Вскорѣ уже эти двѣ знаменитыя женщины вступили въ переписку, въ которой дебатировались очень серьезные и интересные вопросы; и недалеко уже было то время, когда молоденькая поклонница «Семирамиды Сѣвера» оказалась очень полезной для послѣдней.

Въ скоромъ времени послѣ свадьбы Дашкова съ мужемъ отправилась въ Москву. Кажется члены семьи князя,—довольно простые, но очень зажиточные люди,—не особенно сочувствовали этому браку. И тутъ уже молоденькая новобрачная должна была показать впервые свое умѣнье «жить съ людьми», хотя эта наука ей впоследствии совершенно не давалась: изъ всѣхъ недостатковъ, которыми обладалъ знаменитый директоръ Академіи Наукъ, неуживчивость и непріятная рѣзкость характера были такими явными, что невольно всѣмъ бросались въ глаза и единодушно осуждались. Но пока еще, если судить по запискамъ Дашковой, она обладала способностью примирять и сглаживать возникавшія противорѣчія. Не мало ей вѣроятно пришлось испытать неудобствъ,—ей, читавшей Гельвеція, Вольтера и Монтескьё и говорившей плохо по-русски,—съ свекровью, простой, патріархальной женщиной, не знавшей ни одного языка, кромѣ русскаго. Но молоденькая невѣстка и тутъ уже успѣла проявить присущую ей энергію: она прилежно занялась изученіемъ родного языка, и ея русская рѣчь хотя и не блещетъ особенной стилистической красотой, но скорѣ становится вполне приличной.

Черезъ годъ послѣ свадьбы у княгини родилась дочь, доставившая ей впоследствии не мало огорченій. Жизнь Дашковыхъ въ Москвѣ и родовыхъ имѣніяхъ шла скромно. Княгиня